

СОГЛАСИЕ НА ОТСТАЛОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ САМОПИАРА

Никита Куркин

Промышленная мощь державы долгое время была не просто показателем успешности стран. Она была символом этого успеха, предметом зависти для не столь удачливых конкурентов. Викторианская Англия, бисмарковская Германия, Соединенные Штаты Америки конца XIX — начала XX века — все они использовали фактор индустриального превосходства в качестве, как сейчас бы выразились, элемента своей «мягкой силы».

Причастность к индустриальному развитию со временем стала одним из признаков наличия у страны своего рода **футуристического** (как минимум — технического) **проекта**. У СССР и США имелся один такой общий проект — освоение космоса, которое, впрочем, было побочным продуктом производства новых видов вооружения.

Великий беспорядок 1968 года, когда послевоенное поколение на Западе заявило о своем непри-

витой экономики является национальное промышленное производство на основе оригинальных инноваций.

Какова роль в этих схемах России, хоть и декларирующей необходимость «модернизации и инноваций» в своей экономике, но по-прежнему придерживающейся стратегии «энергетической сверхдержавы»? И может ли подобная стратегия в каком-либо виде стать элементом «мягкой силы» нашей страны?

Враги всего доброго и вечного?

Наиболее проработанное негативное описание России как «энергетического монстра» (термин, в том числе и с учетом кавычек, принадлежит отечественному политологу Леониду Полякову) родилось из-под пера крестного отца «геоэкономики» **Эдварда Люттвака**. Никакой возможности наделять статусом *soft power* энер-

(hard-working world) противостоят страны типа России и Саудовской Аравии — «нефтяные паразиты», не производящие востребованных цивилизованным миром интеллектуальных продуктов и не имеющие ценных предложений в сфере услуг.

Влияние данной концепции (или схожих с ней) довольно велико. Каждый третий пишущий «с претензией» к России западный автор обязательно указывает на «**энергетический шантаж Европы**» как недопустимый способ решать возникающие перед Россией вопросы в сфере международных отношений. Вновь ожившая идея «энергетической сверхдержавы» как магистрального пути развития России (с учетом необходимости определенной диверсификации экономики), столь энергично изложенная *urbi et orbi* уже упомянутым профессором Леонидом Поляковым на конференции «Что думает Россия?», вряд ли найдет горячую интеллектуальную поддержку на Западе.

Хотя у этой идеи есть и свои поклонники на Западе, как это ни покажется странным на первый взгляд.

Концепция сырьевого всемогущества России как потенциала для нее самой и для Европы принадлежит знаменитому американскому социологу **Иммануилу Валлерстайну**. Валлерстайн всегда выделялся своей симпатией к путинской России среди западных интеллектуалов-марксистов. Причина такого отношения была в свое время честно обозначена самим ученым. По его мнению, при грамотной европейской политике может быть воссоздана ситуация, когда, как при матушке Екатерине, Россия станет главным поставщиком «пеньки и леса» в Европу. Иначе говоря, сырьевым донором Евросоюза, зависящим от Запада индустриально и политически и играющим в европейские игры по правилам Европы. С оп-

Едва ли кто-то из политиков отважится признать, что путь в индустриальный мир России заказан

ятии, помимо всего прочего, всеобщей технологической гонки, дал отличный повод начать говорить о необходимости «постиндустриального развития». В конце 1990-х подъем «постиндустриального производства» стали называть «новой экономикой» — шел непрерывный процесс разработки и введения в оборот новых компьютерных программ, интернета, кинопроизводства и развития сферы услуг в области информации. Несколько лет США экзальтированно гордились своим лидерством в «новой экономике», пока финансовый кризис 2001–2002 годов не положил конец затянувшемуся экстазу. Текущий глобальный экономический кризис вернул актуальность дискуссии о том, что признаком раз-

гетический потенциал России в этой работе не просматривается. В статье «Трумэн наших дней» в британском журнале *Prospect*, объясняя аспекты и тонкости внешней политики Соединенных Штатов при Джордже Буше-младшем, Люттвак рассуждает о том, что смешно противопоставлять интересы США и «новых индустриальных государств» типа КНР и Индии. Отказ администрации Буша от антикитайской риторики и налаживание действительно блестящих взаимоотношений Вашингтона и Дели он объясняет в том числе и тесно связанными производственными интересами индустриально развитых держав — взаимозависимых в мире высокотехнологического производства. Этому миру трудового капитала

ределенной точки зрения подобная концепция «большой сделки» (мы Европе — углеводороды, силовое прикрытие и людские резервы, она нам — финансы и идеи) может стать каким-то подобием «мягкой силы» России. Она сулит Европе, если она возьмет на себя такую геополитическую смелость, вполне конкретные стратегические дивиденды, да и российским экономическим элитам предоставляет шанс на вовлечение в европейские дела в качестве полноправного партнера.

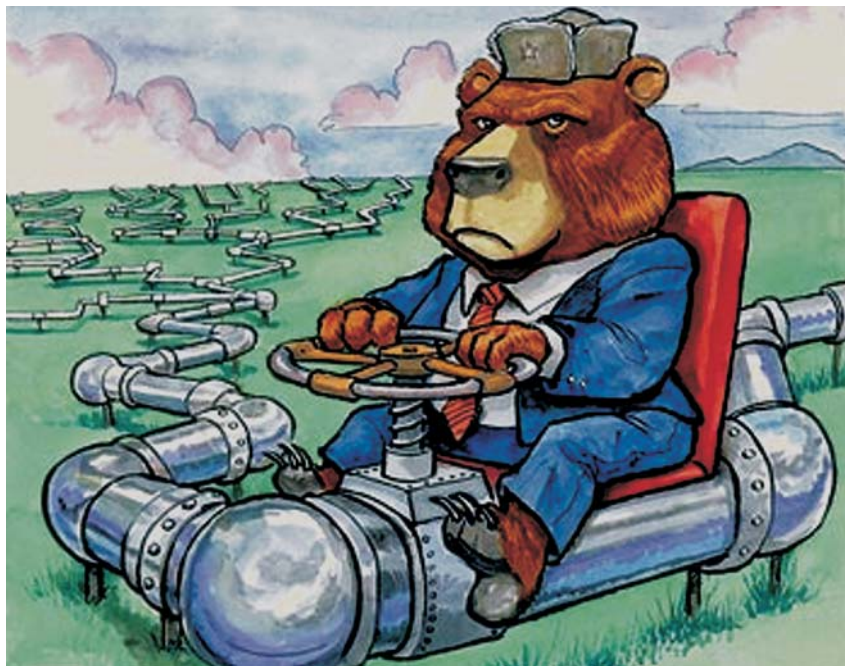
И снова о модернизации

Но пока точка зрения Валлерстайна и ему подобных является для Запада маргинальной. Можно предположить, что, если бы Россия семимильными шагами развивала свою индустриальную мощь, дело бы обстояло с точностью до наоборот, европейцы бы с ностальгией поминали «сырьевую Россию».

Но и для россиян концепция «энергетической сверхдержавы» *per excellence* также выглядит несколько ущербной. Для страны, которая пережила советский футуристический проект и первой отправила человека в космос, согласие на сырьевую отсталость выглядит как отступление в XVIII век.

И за это отступление никто не хочет брать ответственность. Российские либерал-реформаторы за последние двадцать лет сделали немало для того, чтобы утвердить Россию в качестве сырьевой державы. Однако к сырьевому статусу страны они тем не менее находятся в демонстративной оппозиции, ассоциируя его исключительно с властью в Кремле. Национально ориентированные и патриотические круги в целом разделяют это критическое отношение. **Едва ли кто-то из политиков отважится признать, что путь в индустриальный мир России заказан.**

Отсюда — декларируемая российской властью необходимость модернизации, диверсификации отечественной экономики и инновационного развития. С довольно оригинальной трактовкой российского модернизационного проекта на базе «энергетической

сверхдержавы» выступил на вышеупомянутой конференции российский политолог, сопредседатель Совета национальной стратегии **Иосиф Дискин**, который предложил рассматривать сырьевую специализацию России как непосредственную основу для модернизации. По его мнению, необходимость дальнейшего освоения российских недр заставит развивать и улучшать технологии добычи полезных ископаемых, и это даст эффект «кругов по воде» к дальнейшему развитию всей российской экономики.

Сторонникам более полномасштабной модернизации России эта теория кажется недостаточной, в том числе и с точки зрения ее эффектного восприятия, как в РФ, так и за рубежом. Лидером российских радикальных модернизаторов в национальной интеллектуальной среде на настоящий момент времени можно считать директора Центра исследования постиндустриального общества **Владислава Иноземцева**. По его мнению, «в России модернизацию путают с развитием экономики высокотехнологичных знаний. Во всех «наверстывающих» странах модернизация началась в массовых производственных сферах: мануфактура, электротовары, электроника, автомобилестроение и судостроение. Но в России даже президент Медведев верит в то, что модернизация может быть принесена в жизнь путем развития космических проектов, разме-

щения ядерных энергетических установок и проектирования суперкомпьютеров».

Можно представить, что именно такая концепция, несмотря на ее несомненную оппозиционность политике действующей власти, и будет воспринята российским обществом и иностранным общественным мнением? Сомнительно в отношении России. Проект Иноземцева грешит системными недостатками, и речь не о его несомненной европофилии, при определенных условиях могущей стать дополнительным плюсом концепции. Дело в том, что гарантией исполнения своего проекта автор считает отказ России от части суверенных прав (вечный вопрос сторонникам этой идеи — в каком объеме?) и создание конкурентного преимущества российской рабочей силы в виде ее предельной дешевизны. **Кому в стране понадобится подобная модернизация, если ее условием является ущерб государственному суверенитету и дальнейшее обнищание граждан?**

В ближайшее время Россия вряд ли откажется от идеи «энергетической сверхдержавы», лишь дополняя ее модернизационными проектами. И государству Российскому, и отечественным интеллектуалам, этой концепции сочувствующим, стоит озаботиться поиском такой комбинации этой идеи и идеи модернизации, каковая нашла бы поддержку как на Западе, так и в самой России. Пока же она отсутствует. ■